

Научная статья

УДК 334.241.8

doi: 10.46741/26869764.2023.62.2.005

Административная преюдиция в уголовном праве

ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ ДВОРЯНСКОВ

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия

diw@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0542-5254>

Реферат

Введение: в статье рассматривается одно из наиболее дискуссионных явлений в уголовном праве – административная преюдиция. Автор проводит глубокий системный и сравнительно-правовой анализ этого понятия, дает ему правовую характеристику, исследует его теоретические основы, исторические истоки и эволюцию в дореволюционный, советский и постсоветский периоды. *Цель:* на основе исследования правовой природы, социальной обусловленности административной преюдиции выявить проблемы соответствия ее применения целям и задачам современной уголовной политики России. *Методы:* исследование основано на диалектическом подходе к изучению социальных процессов и явлений. В нем использовались традиционные для наук уголовного права и криминологии методы: анализ и синтез, сравнительно-правовой, ретроспективный, формально-юридический, логический, компаративный. Применялись и частнонаучные методы: юридико-догматический и метод толкования правовых норм. *Результаты:* выявлены доктринальные истоки концепции административной преюдиции, которую уместнее назвать теорией карательной прогрессии, в основе которой лежит повторность однородных действий с повышающимся уровнем противоправности и прогрессирующей репрессивностью. В этой связи изучены труды Ч. Ломброзо, Э. Ферри, Р. Гарофало. В статье подробно исследуется современная научная полемика по вопросу конституционной и доктринальной обоснованности включения в уголовный закон норм с административной преюдицией. Путем сравнительно-правового анализа значения термина «административная преюдиция» в иных отраслях права – гражданском и уголовном процессе – устанавливается, что изначальная (подлинная) сущность этого понятия выражается в юридической силе (преюдициальности) решения суда или иного юрисдикционного органа, исключающей необходимость его пересмотра в дальнейшем. Ничего общего с концепцией так называемой административной преюдиции в уголовном праве это не имеет. Отмечается, что уголовно-правовая терминология, отражающая понятия, используемые в других отраслях права, зачастую наполняется своим, узкоотраслевым смыслом, отличным от первоначального. Детальному разбору подвергнуты межотраслевая противоречивость и доктринальная несостоятельность этого правового явления, показано, к каким отрицательным последствиям приводит наличие норм с административной преюдицией в уголовном законе. Исследуется связь и проводится разграничение административной преюдиции с бланкетными и предикатными преступлениями, а также рецидивом преступлений, уголовно-исполнительной преюдицией. В этой связи предлагается новый термин «отраслевая преюдиция». *Выводы:* в заключение формулируется ряд выводов о смысле и перспективах применения административной преюдиции в уголовном праве, теоретических и практических аргументах ее исключения из уголовного закона.

Ключевые слова: административная преюдиция; смешанная (отраслевая) преюдиция; теория карательной прогрессии; повторность однородных действий с повышающимся уровнем противоправности и прогрессирующей репрессивностью; рецидив преступлений; межотраслевой рецидив; бланкетные и предикатные преступления.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Дворянсков И. В. Административная преюдиция в уголовном праве // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 2 (62). С. 153–162. doi: 10.46741/26869764.2023.62.2.005.

Administrative Prejudice in Criminal Law

IVAN V. DVORYANSKOV

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia
Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service,
Vologda, Russia
diw@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0542-5254>

Abstract

Introduction: the article deals with one of the most controversial phenomena in criminal law – administrative prejudice. The author conducts a deep systematic and comparative legal analysis of this concept, gives its legal characteristic, explores its theoretical foundations, historical origins and evolution, including the pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet periods. *Purpose:* based on the study of the legal nature, social conditionality of administrative prejudice, to identify problems of compliance of its application with the goals and objectives of modern criminal policy in Russia. *Methods:* the research is based on a dialectical approach to the study of social processes and phenomena. It uses methods traditional for the sciences of criminal law and criminology, such as analysis and synthesis; comparative legal; retrospective; formal legal; logical; comparative. The following private scientific methods are also used: a legal-dogmatic method and interpretation of legal norms. *Results:* the article reveals doctrinal origins of the administrative prejudice concept, better called as the theory of punitive progression, based on the repetition of homogeneous actions with an increasing level of illegality and progressive repression. In this regard, the works of C. Lombroso, E. Ferry, and R. Garofalo are studied. The article examines in detail the modern scientific controversy on the constitutional and doctrinal validity of the inclusion of norms with administrative prejudice in the criminal law. By conducting a comparative legal analysis of the meaning of the term “administrative prejudice” in other branches of law, in particular civil and criminal proceedings, the author establishes that the original (genuine) essence of this concept is expressed in the legal force (prejudice) of a court decision or other jurisdictional body, eliminating the need for its revision in the future. It has nothing to do with the concept of the so-called administrative prejudice in criminal law. It is noted that the criminal law terminology, reflecting the concepts used in other branches of law, is often filled with its own, narrowly sectoral meaning, different from the original one. The author considers intersectoral divergence and doctrinal inconsistency of this legal phenomenon and presents his point of view on possible negative consequences of the existence of norms with administrative prejudice in criminal law. He studies connection with and distinction between administrative prejudice and blank and predicate crimes, as well as recidivism of crimes, criminal and executive prejudice. In this regard, a new term “sectoral prejudice” is proposed. *Conclusion:* a number of conclusions are formulated about the meaning and prospects for the application of administrative prejudice in criminal law, theoretical and practical arguments for its exclusion from the criminal law.

Keywords: administrative prejudice; complex (sectoral) prejudice; theory of punitive progression; repetition of homogeneous actions with an increasing level of illegality and progressive repression; recidivism of crimes; intersectoral recidivism; blank and predicate crimes.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Dvoryanskov I.V. Administrative prejudice in criminal law. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 2 (62), pp. 153–162. doi: 10.46741/2686-9764.2023.62.2.005.

Введение

Согласно уголовно-правовому принципу законности преступность и наказуемость деяния определяются только уголовным законом (ст. 3 УК РФ). При этом уголовное законодательство основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права (ч. 2 ст. 1 УК РФ). При коллизии конституционных и уголовно-правовых норм приоритетом пользуются первые. Во всех остальных случаях действует правило исключительности уголовно-правового регулирования, согласно которому единственным источником уголовно-правовых норм является УК РФ. К примеру, одно и то же деяние не может одновременно подпа-

дать под признаки преступления и административного правонарушения.

Исключение образуют случаи так называемой преюдиции (от лат. *praejudicium* – относящийся к предыдущему судебному решению). Это обязательность для всех судов, рассматривающих дело, принять без проверки доказательств факты, ранее установленные вступившим в законную силу судебным решением по другому делу, в котором участвуют те же лица [1, с. 278].

В отечественном уголовном праве получил распространение институт так называемой административной преюдиции. Примерами составов с административной преюдицией в УК РФ являются,

например, ст. 116.1 УК РФ (нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость), ст. 151.1 (розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции, если эти деяния совершены неоднократно), ст. 157 УК РФ (неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей, если эти деяния совершены неоднократно), ст. 158.1 УК РФ (мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию), ст. 264.1 УК РФ (управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость), ч. 1 ст. 315 УК РФ (злостное неисполнение вступивших в законную силу приговора суда, решения суда или иного судебного акта, а равно воспрепятствование их исполнению лицом, подвергнутым административному наказанию за деяние, предусмотренное ч. 4 ст. 17.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, совершенное в отношении того же судебного акта) и др. Однако в последнее время их количество заметно увеличивается.

Так, согласно примечанию к ст. 314.1 УК РФ неоднократным несоблюдением лицом, в отношении которого установлен административный надзор, административных ограничения или ограничений, установленных ему судом в соответствии с федеральным законом, признается несоблюдение лицом, в отношении которого установлен административный надзор, административных ограничения или ограничений, установленных ему судом в соответствии с федеральным законом, при условии, что это лицо ранее привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние два раза в течение одного года.

Причем, как часто бывает при заимствовании терминов из других отраслей права или областей научного знания, данное понятие приобрело особое, отличающееся от первоначального смысла уголовно-правовое содержание и рассматривается как особая связь между несколькими аналогичными деяниями, совершенными в течение определенного времени (как правило, года), первое из которых имеет статус административного правонарушения, но совершенное два и более раза, признается преступлением. В данном случае ключевое значение имеет признак повторности совершения аналогичного деяния в течение определенного периода времени.

Однако по поводу конституционной и доктринальной обоснованности административной преюдиции в уголовно-правовой науке до сих пор ведутся дискуссии. Прежде чем анализировать их содержание, обратимся к истории вопроса.

Результаты

Административная преюдиция как правовой институт и прием конструирования составов преступления имеет богатую историю. Версии о времени ее возникновения в отечественном уголовном праве разнятся. Так, В. И. Колосова считает, что она впервые появляется в советском уголовном законодательстве, в частности установлена декретом ВЦИК и СНК от 15.12.1924 об изменении ст. 139-а УК РСФСР «Об акцизных нарушениях». Статьи с административ-

ной преюдицией содержались и в советских уголовных кодексах 1922, 1926 и 1960 гг. [2, с. 248]. И. М. Гошаев, в свою очередь, указывает, что прообразом рассматриваемого нормативного установления могут считаться законоположения Российской империи XIX в. Например, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (в редакции 1885 г.) включало в себя нормативный материал различных отраслей права и основывалось на идее усиления юридической ответственности за повторение тождественных преступлений [3, с. 130]. Этой же точки зрения придерживается А. Г. Безверхов [4, с. 46].

Обозначенную позицию относительно вопросов преюдиции и преюдициальности занимали также видные ученые дореволюционной России, как И. Г. Щегловитов [5], И. Я. Фойницкий [6, с. 187], Е. В. Васьяковский [7, с. 167], П. В. Макалинский [8], Л. Фон-Резон [9; 10], Э. Немировский [11] и др. Таким образом, в дореволюционной правовой науке господствовало вполне определенное понимание преюдиции, восходящее еще к римскому праву и связанное с приданием юридической силы решению суда (юрисдикционного органа) в отношении ранее установленных обстоятельств дела [12, с. 4].

Ничего общего с концепцией так называемой административной преюдиции в уголовном праве это не имело. В современных правовых отраслях – гражданском и уголовном процессах – административная преюдиция, как правило, рассматривается в указанном выше смысле. К примеру, Е. Б. Тарбагаева использует понятие «преюдициальность» применительно к юридической силе судебных решений [13, с. 52], что согласуется с мнением Р. Искандерова, рассматривающего ее как одну из юридических характеристик приговора [14]. О. Е. Плетнева также говорит о преюдициальности судебного решения, связывая это свойство с фактами, правоотношениями и выводами суда, не допустимыми для оспаривания или повторного доказывания [12, с. 6]. Разделяют данную точку зрения также Н. М. Коршунов, Ю. Л. Мареев, по мнению которых, преюдициальность предполагает обязательность выводов о фактах, установленных вступившим в законную силу решением суда, для иных судебных органов и организаций [15, с. 175].

И только в уголовном праве традиционная правовая терминология наполняется своим, узкоотраслевым смыслом. Данный вывод касается не только административной преюдиции, например, ранее мы анализировали феномен особого уголовно-правового толкования иноотраслевых терминов [16, с. 11–12].

В настоящее время взгляды ученых на административную преюдицию разделились. Одни считают правильным возвращение к практике ее применения. Так, по мнению Е. В. Ямашевой, восстановление административной преюдиции в УК РФ способствует эффективному разграничению преступлений и административных правонарушений, обеспечивает экономичное мер уголовной репрессии, является целесообразным, так как позволит увеличить профилактическую роль уголовного законодательства [17]. Данную позицию разделяют Н. И. Пикуров, Е. В. Овечкина, И. Г. Бавсун, М. В. Бавсун, И. А. Тихон и др., которые также считают, что административная

преюдиция не только является эффективным способом противодействия преступности, но и усиливает профилактическую роль уголовного закона [18–20].

По мнению Н. Г. Иванова, «применительно к понятию преступления речь должна идти не об уголовно-правовой запрещенности, а о запрещенности в широком смысле» [21, с. 25].

Схожую точку зрения высказывает Г. А. Есаков, выделяя наряду с уголовно-правовой так называемую общую противоправность [22, с. 168].

Оставляя за скобками умозрительность конструкции общей противоправности, следует обратить внимание на то, что она, по сути, дублирует устоявшийся в науке подход, согласно которому уголовное право представляет собой вспомогательный механизм, вступающий в действие только тогда, когда позитивное правовое регулирование не может обеспечить нормальный ход отношений. Как отмечает Н. И. Пикуров, «соединяясь в динамичные системы с нормами практические всех отраслей права, оно (уголовное право), с одной стороны, имплантирует их предписания в свою ткань для детализации признаков общественно опасных деяний, определяя границы между преступным и не преступным, с другой – и само передает им часть своей юридической силы, присутствуя в качестве потенциальной угрозы применения уголовного наказания» [23, с. 20].

В этой связи теоретические конструкции общей противоправности не создают принципиально нового объяснения уже существующим правовым явлениям. Поэтому в данном случае уместно применить принцип методологического редукционизма, известный также как правило бритвы Оккама: «Не следует множить сущее без необходимости».

Позиция противников теории административной преюдиции в уголовном праве, на наш взгляд, более аргументирована и логически обоснована.

Так, по мнению Н. Ф. Кузнецовой, ни одно административное правонарушение не обладает специфическим криминальным свойством деяния – общественной опасностью. Поэтому количество правонарушений не способно механически перерасти в преступление. Запрет общественно опасного и виновного деяния устанавливается исключительно уголовным кодексом, а не каким-либо иным, даже федеральным законом. Таким образом, административная преюдиция не согласуется с ч. 1 ст. 1 и ч. 1 ст. 14 УК РФ [24, с. 88].

Данная точка зрения разделялась С. Г. Келиной [25], Д. Н. Бахрахом [26, с. 88–91], В. Л. Зуевым [27, с. 54–55], А. Н. Тарбагаевым [28] и рядом других ученых, которые подвергали критике применение административной преюдиции. Так, С. Г. Келина считала, что повторение деяния не может менять его юридическую природу. Д. Н. Бахрах, известный специалист в области административного права, также отграничивал проступок от преступления по отсутствию в нем признака общественной опасности.

Определение уголовной противоправности восходит еще к принципу римского права «*nullum crimen sine lege*».

На наш взгляд, уже на первых этапах развития советского уголовного законодательства в этом

вопросе произошла подмена понятий. За административную преюдицию была выдана повторность однородных действий с повышающимся уровнем противоправности и прогрессирующей репрессивностью, или, как ее можно назвать, теория карательной прогрессии. В ее основе лежит принципиальная доктринальная позиция о переходе количественных показателей общественной опасности противоправных действий в качественные. Это, в свою очередь, подменяет основание уголовной ответственности: с деяния акцент смещается на личность и, по сути, ее общественную опасность. Ведь если рассматривать однородные деяния, совершаемые в определенный период времени, то вряд ли можно утверждать, что последующее опаснее предыдущего. На каком основании? Что поменялось в последующем деянии? Разумеется, ничего. Тогда на чем базируется их правовая оценка с повышающейся репрессивностью? Очевидно, что на постулате о превентивной функции наказания (в широком смысле) как меры принудительного воздействия, а также догмате об общественной опасности (социальной деструктивности, криминальной зараженности) личности, которая поддается корректровке путем такого воздействия. Отрицать это, конечно, нельзя. Но если возводить данный догмат в абсолют, то отсутствие эффекта меньшего воздействия закономерно приведет к выводу об усилении такового, в том числе в направлении от административного к уголовно-правовому.

В этой связи следует опровергнуть вытекающий из вышесказанного тезис о связи между опасностью личности и субъективными признаками деяния (вина, мотив, цель, признаки субъекта). Полагаем, что наличие данных признаков в конструкции состава преступления не означает опасности личности как таковой, а лишь характеризует деяние. Иными словами, преступник – это не имманентный социально-психологический статус личности, и лицо может рассматриваться только на момент (период) совершения преступления. В этой связи мы считаем термин «преступник» не отвечающим господствующим современным научным и правовым подходам к личности, совершившей преступление. В частности, его имманентность нивелирует существующие цели наказания (ч. 2 ст. 43 УК РФ). В конце концов, наказывают не за свойства личности, а за совершенное деяние, в котором отразилось определенное сочетание субъективных признаков лица. В противном случае необходимо признать, что наказание можно применять не только за деяние, но и за опасное состояние личности, а это противоречит фундаментальным основам отечественного уголовного права (понятию преступления, основанию уголовной ответственности), а также результатам его эволюции.

Данный подход имеет свои теоретические основания. К числу наиболее значимых источников, преопределивших инструментальный (а в ряде случаев и утилитарный) подход к уголовно-правовому воздействию вообще и наказанию в частности, можно отнести учения представителей антропологического, социологического (позитивистского) течений в криминологии и уголовном праве Ч. Ломброзо, Э. Ферри, Р. Гарофало и др.

Суть их воззрений в общем виде можно сформулировать так: социальная защита от преступников и потенциально опасных лиц с помощью уголовно-правовых средств.

Так, Ч. Ломброзо рассматривал преступников как больных (нравственно помешанных) людей: «Мы говорим прирожденным преступникам: вы не виноваты, совершая свое преступление, но не виноваты и мы тоже, если прирожденные свойства нашего организма ставят нас в необходимость ради собственной защиты лишать вас свободы» [29, с. 177; 30; 31, с. 11].

Э. Ферри, не отрицая влияния на преступника внешних факторов (в том числе метеорологических, климатических, географических, цивилизационных, демографических и пр.), тем не менее во главу угла ставил внутреннюю детерминацию, что и определяло антропоцентричность его подхода к воздействию на преступность. В основе, как и у Ч. Ломброзо, лежал тезис о прирожденном преступнике, что, впрочем, не означало предопределенности совершения преступления, но вместе с тем подталкивало к выводу о защитной функции уголовно-правовых средств. «Во всяком случае при лечении преступности, как и при лечении всякой общей или душевной болезни, необходимо удалять из общества тех лиц, которые всего менее приспособлены к жизни» [32, с. 65].

Схожим образом рассуждал и Р. Гарофало, считая, что срок заключения не должен назначаться судьей априори. Дирекция того заведения, которое предназначено для арестантов, должна высказаться относительно необходимости временного или пожизненно-го заключения, опираясь на психоантропологическое изучение арестанта [32, с. 65]. Э. Ферри, кстати, расходился с Р. Гарофало в этом вопросе, полагая, что «для менее важных преступлений, как изнасилование, раны, воровство, мошенничество, следовало бы установить, что только после 2, 3 или 4 раз рецидива виновных следует присуждать к заключению вместе с неисправимыми» [33, с. 519].

Все приведенные позиции наглядно демонстрируют, с чего начиналась эволюция теории социальной опасности личности, которая породила теорию карательной прогрессии, в рамки которой укладывается и так называемая административная преюдиция.

В основе этого подхода лежала мысль о том, что предупредить преступность невозможно, от нее надо просто защищаться. Как это ни парадоксально, данная теория оказалась весьма жизнеспособной даже при видоизменении основополагающего доктринального тезиса путем синтеза социальной защиты и предупреждения. Наглядной иллюстрацией здесь могут служить первые кодифицированные источники уголовного права Советского государства. Так, УК РСФСР 1922 г. в ст. 7 постулирует опасность лица, которая «обнаруживается совершением действий, вредных для общества, или деятельностью, свидетельствующей о серьезной угрозе общественному правопорядку». Схожим образом обстояло дело и в УК РСФСР 1926 г., действовавшем вплоть до 1960 г. Правда, больший акцент делался на социальной защите.

Во-первых, ст. 7 звучала немного иначе: «В отношении лиц, совершивших общественно опасные

действия или представляющих опасность по своей связи с преступной средой или по своей прошлой деятельности, применяются меры социальной защиты судебного-исправительного, медицинского либо медико-педагогического характера».

Во-вторых, ст. 9 содержала следующую оговорку: «меры социальной защиты не могут иметь целью причинение физического страдания или унижение человеческого достоинства и задачи возмездия и кары себе не ставят». Вместе с тем из текста уголовного закона пропало само название наказания, а средства уголовно-правового воздействия стали именоваться мерами социальной защиты, что недвусмысленно отсылает нас к ранее анализируемым теориям.

Таким образом, с одной стороны, постулировалась способность мер уголовной ответственности конструктивно влиять не только на лиц, совершивших преступление, но и всех остальных субъектов уголовно-правовых отношений, в том числе в позитивном аспекте, с другой стороны, по-прежнему господствовала идея социальной защиты, в том числе от лиц, не совершивших преступления, но представляющих опасность с точки зрения установленных уголовно-правовых критериев. Анализ содержания обоих кодексов, особенно в плане иерархии охраняемых объектов, санкций, а также карательной практики 30–50-х гг. прошлого века, с очевидностью свидетельствует, что обозначенные в них цели были в большей степени декларацией о намерениях, но никак не насущными ориентирами.

В силу этого вполне объяснимо появление и широкое применение института административной преюдиции. Она, по сути, воплощала в жизнь практическую сущность социальной защиты с элементами предупреждения: первый раз – более-менее мягкое наказание, второй раз – принципиально более жесткое. При этом очевидно, что ни о какой оценке деяния речи не шло. Она как раз не менялась. Изменению подлежала именно оценка личности. В первом случае запускалась предупредительная функция, во втором – защитная. Следовательно, и основанием реализации обеих функций было не само деяние, а особенности личности, его совершившей, в частности степень опасности, устанавливаемая с помощью того, насколько лицо поддается устрашающему воздействию санкции. Вопросы о том, обладают ли сами меры социальной защиты превентивным эффектом и могут ли находиться в причинном комплексе такие внешние детерминанты, которые не поддаются влиянию этих мер и не зависят от самого виновного лица, не стояли.

В этой связи неоспоримо влияние на разработчиков УК РСФСР 1922 и 1926 гг. социологической и антропологической теорий, разработанных отнюдь не советскими учеными. Вместе с тем нужно вести речь о синтезе этих теорий с коммунистической идеологией в сфере уголовного права, основанной на политической целесообразности репрессии в отношении классовых врагов, врагов народа, их родственников и близких, а фактически – всех неугодных власти лиц [34, с. 57].

Дальнейшая эволюция отечественной уголовной политики демонстрирует устойчивую тенденцию к

ориентации на превентивно-исправительную функцию наказания и постепенный отход от идеи социальной защиты. Так, согласно ст. 20 УК РСФСР 1960 г. «наказание не только является карой за совершенное преступление, но и имеет целью исправление и перевоспитание осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения к правилам социалистического общежития, а также предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. Наказание не имеет целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства». Любопытным отличием от концепции целей по УК РСФСР 1926 г. является признание карательной сущности наказания, а невключение кары в перечень целей, на наш взгляд, обусловлено исключительно политической целесообразностью (стремлением дистанцироваться от печального опыта сталинских репрессий с учетом того, что УК РСФСР 1960 г. разрабатывался как раз в период развенчания так называемого культа личности). Заметим также, что, наряду с превенцией появляется цель исправления и перевоспитания осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения к правилам социалистического общежития.

Сразу подчеркнем, что новые цели имели столь же декларативный характер, как в предыдущих кодексах. Это подтверждается, во-первых, сохраняющимся высоким уровнем рецидива, а во-вторых, постоянным поиском альтернативных форм контррецидивной профилактики, опирающихся на альтернативные наказанию механизмы ресоциализации. В качестве примера можно привести меры, введшиеся в период 60-70-х гг. прошлого века. Так, интерес представляет условное освобождение осужденных из мест лишения свободы для работы на стройках химической промышленности. Согласно указу условное освобождение применялось к проявившим желание честным трудом искупить свою вину трудоспособным лицам из числа осужденных впервые на срок до трех лет включительно – отбывшим не менее одного года лишения свободы, из числа осужденных на срок до десяти лет включительно – отбывшим не менее двух лет, на срок свыше десяти лет – отбывшим не менее пяти лет лишения свободы [35, с. 250].

С 1968 г. стало практиковаться условное освобождение из ИТУ осужденных отдельных категорий с направлением их на предприятия народного хозяйства (СНХ). Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12.07.1970 вводилось условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением к труду.

Данный опыт (в том числе создание спецкомендантур, исполняющих указанные меры и организуемых не по территориальному, а по зонально-экономическому принципу) имел двойной позитивный эффект. С криминологической точки зрения преступная активность осужденного минимизировалась за счет того, что его, как правило, изымали из привычной ему среды, в которой формировались его преступные наклонности, направляя в другие регионы страны. Кроме того, он получал возможность работать и, по сути, начать новую жизнь. С экономической точки зрения

наказания и уголовно-правовые меры, не связанные с лишением свободы, имели огромное хозяйственное значение, поскольку обеспечивали возможность организации производства и строительства в тех сферах и географических условиях, где привлечение свободной рабочей силы было весьма проблематичным.

Заметим, что превентивная цель достигалась не в процессе наказания, а как раз наоборот, путем различных форм освобождения от него.

Однако, возвращаясь к административной преюдиции, следует отметить, что, воплощая совершенно иную догму о превентивно-исправительном эффекте наказания, она существовала и в УК РСФСР 1960 г. По сути, можно утверждать, что мы имеем дело с двумя параллельными курсами советской (в последующем – и российской) уголовной политики: 1) догматическим, основанным на не подкрепленной практикой и объективными данными статистики рецидива [36] вере в предупредительные и исправительные возможности наказания; 2) практическим, опирающимся на реальные и апробированные формы постпенитенциарной ресоциализации осужденных. На сегодняшний день эта двойственность курсов сохраняется, поскольку при неизменности (если не считать незначительной редакционной правки) целей наказания параллельно идет активный поиск и внедрение новых форм снижения уровня преступности с акцентом в большей степени на причинах преступности, а не их следствиях. К ним можно отнести и условное осуждение, и замену наказания более мягким видом, и освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием и примирением с потерпевшим, и вводимый новый институт пробации [37].

Безусловно, административная преюдиция может иметь значение как научная теория, но ее имплементация в уголовный закон чревата целым рядом негативных последствий.

Во-первых, она подрывает основы уголовного права, в частности основание уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ) и качественные характеристики преступления (ст. 14 УК РФ). Так, основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом. То есть каждое деяние изначально должно содержать все признаки преступления вне связи с тем, что было совершено раньше. Накопительного эффекта в данном случае быть не может и не должно. Повторность сама по себе не делает деяние принципиально более опасным. Материальный признак общественной опасности должен наличествовать в каждом деянии, причем соответствовать его уголовно-правовому статусу.

Во-вторых, административная преюдиция является универсальным карательным инструментом, который при желании может быть применен к любому деянию иной правовой природы. Не нужно даже придумывать новый состав преступления, достаточно добавить признак повторности – и преступление готово. А добавить, повторим, можно практически ко всему при наличии на то воли и целесообразности. В этом смысле законодатель может пойти еще дальше

в карательной прогрессии, оформляя как квалифицирующие признаки третий и последующий разы совершения одного и того же. По крайней мере, это укладывалось бы в одну и ту же логику.

Представляется необходимым проанализировать смежные с административной преюдицией институты для того, чтобы как выявить их сходство, так и развести между собой.

По способу конструирования составы с административной преюдицией похожи на бланкетные и предикатные преступления.

Относительно первых следует отметить, что это обусловлено прежде всего такой особенностью предмета и метода уголовного права, что оно обеспечивает общественные отношения, которые позитивно урегулированы другими отраслями права, ввиду необходимости запрета и карательного реагирования на наиболее опасные препятствия, мешающие их реализации. В случае с бланкетными нормами состав преступления полностью или частично заимствует описание нарушения из нормы иной отрасли права и добавляет один или несколько криминализирующих деяние признаков (например, тяжкие последствия).

Особенностью предикатных преступлений является то, что одно деяние является способом совершения другого (например, насилие при разбое).

И в том, и в другом случае, в отличие от составов с административной преюдицией, присутствует логическая связь между деяниями, когда одно является причиной, а другое – следствием. При административной преюдиции между деяниями если и есть связь, то временная, но не причинно-следственная.

Связь административной преюдиции с рецидивом концептуальна. По сути, в правовой конструкции рецидива заложен тот же принцип, как и в административной преюдиции – повторность совершения деяния, если за предыдущее лицо было подвергнуто ответственности. В этой связи административную преюдицию в литературе называют межотраслевым рецидивом [3, с. 130]. Этот термин нам представляется не вполне удачным, поскольку допускает разные варианты толкования и вступает в конкуренцию с установленным в уголовном праве понятием рецидива.

По сути, у этих двух институтов одинаковый механизм учета повторности однородных действий с повышающимся уровнем противоправности и прогрессирующим уровнем репрессивности. Разница заключается в том, что первоначальное деяние при рецидиве уже имеет уголовно-правовой характер. Что же касается общественно опасного деяния как основания уголовной ответственности, то оно также отходит на второй план. На первый выступает личность, а именно оценка ее опасности ввиду повторности как следствия неэффективности карательного воздействия (даже в названии видов рецидива – опасный, особо опасный).

Разновидностью административной преюдиции выступает уголовно-исполнительная преюдиция. Речь идет о норме, предусмотренной ст. 314.1 УК РФ «Уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или

ограничений», устанавливающей административную преюдицию в числе прочего за неоднократное несоблюдение лицом, в отношении которого установлен административный надзор, административных ограничения или ограничений, установленных ему судом в соответствии с федеральным законом, сопряженное с совершением данным лицом административного правонарушения против порядка управления (за исключением административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.24 КоАП РФ).

Установление административного надзора в отношении лица, освобождаемого из мест лишения свободы, регулируется уголовно-исполнительным законодательством, в частности ст. 173.1 УИК РФ. В этой связи можно говорить о двойственной (административной и уголовно-исполнительной) правовой природе административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы.

К слову сказать, указом Президента Российской Федерации от 02.03.2021 № 119 ФСИН России определен уполномоченным государственным органом, осуществляющим контроль за поведением лиц, освобожденных условно-досрочно. Исполнение данной функции с марта 2021 г. возложено на уголовно-исполнительные инспекции, тогда как ранее находилось в ведении полиции. Данная мера, хотя и не является административным надзором, имеет весьма схожий с последним характер. Она обладает такими же юридико-техническими особенностями и механизмом реализации. При этом следует отметить, что уклонение от такого рода контроля не охватывается ст. 314.1 УК РФ.

Таким образом, с учетом наличия в уголовном законе, по сути, еще одной разновидности рассматриваемого явления (комбинированной, или смешанной преюдиции) термин «административная преюдиция» следует признать недостаточно объемным и заменить понятием «отраслевая преюдиция».

Выводы

В результате проведенного исследования так называемой административной преюдиции в уголовном праве следует сформулировать ряд выводов о смысле и перспективах ее применения.

Во-первых, рассматриваемое правовое явление не имеет ничего общего с традиционным институтом административной преюдиции, понимаемой как презумпция юридической силы решения суда или иного юрисдикционного органа, исключающая необходимость установления и доказывания уже рассмотренных вопросов. Суть исследованного в рамках данной статьи института заключается в карательной прогрессии, в основе которой лежат повторность однородных действий с повышающимся уровнем противоправности (с административной или смешанной доуголовно-правовой) и прогрессирующая репрессивность.

Во-вторых, административная преюдиция смещает акцент уголовно-правовой оценки с деяния на личность, подменяя тем самым действующее основание уголовной ответственности опасностью последней.

В-третьих, эволюция отечественного уголовного законодательства, по крайней мере на протяжении

XX в., вела к постепенному отказу от административной преюдиции как основанного на архаичных уголовно-правовых теориях института. Наблюдаемая сегодня прогрессия увеличения составов с административной преюдицией, по сути, свидетельствует о редукции уголовного закона.

В этой связи полагаем, что отечественному уголовному праву следует отказаться от административной

преюдиции как противоречащей его эволюционному развитию и подрывающей его концептуальные основы, а существующие ныне составы с административной преюдицией должны быть либо исключены из уголовного закона, либо сконструированы с учетом криминообразующих признаков первого деяния. Повторность же должна оцениваться исключительно в рамках соответствующих институтов уголовного права.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Юнусов А. А., Серкова Т. В. Административная преюдиция в российском уголовном праве // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 1. С. 278–282.
2. Колосова В. И. Административная преюдиция как средство предупреждения преступлений // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 5 (1). С. 246–254.
3. Гошаев И. М. Регламентация административной преюдиции в уголовном законодательстве России: историко-правовой анализ // Юристы-Правоведь. 2017. № 3 (82). С. 130–135.
4. Безверхов А. Г. Административная преюдициональность в уголовном законодательстве России: истоки, реалии, перспективы // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2011. № 2 (10). С. 39–52.
5. Щелловитов И. Гражданская предсудимость по уголовным делам // Журнал гражданского и уголовного права. 1892. Кн. 3. С. 65–117.
6. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. СПб., 1996. Т. 2. 607 с.
7. Васьяковский Е. В. Учебник гражданского процесса / под ред. В. А. Томсинова. М., 2003. 441 с.
8. Практическое руководство для судебных следователей, состоящих при окружных судах : в 2 ч. / сост. П. В. Макалинский, доп. В. П. Ширковым. Изд-е 7-е (посмертное). Петроград, 1915. Ч. 1. 456 с.
9. Фон-Резон Л. О 27-й статье Устава уголовного судопроизводства // Журнал гражданского и уголовного права. 1890. Кн. 5. С. 1–72.
10. Фон-Резон Л. О 29-й статье Устава уголовного судопроизводства // Журнал гражданского и уголовного права. 1892. Кн. 4. С. 1–72.
11. Немировский Э. Преюдициальные вопросы в уголовном процессе по русскому праву // Журнал юридического общества. 1897. Кн. 3. С. 1–72.
12. Плетнева О. Е. Взаимная обязанность судебных решений и актов органов государственного управления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1982. 13 с.
13. Тарбагаева Е. Б. Истинность, преюдициальность и законная сила судебного решения // Проблемы доказывания по уголовным делам : межвуз. сб. науч. тр. Красноярск, 1988. С. 52–60.
14. Искандеров Р. О преюдициальном значении приговора // Советская юстиция. 1990. № 22. С. 22–23.
15. Коршунов Н. М., Мареев Ю. Л. Гражданский процесс. 4-е изд. М., 2010. 928 с.
16. Дворянсков И. В. Уголовно-правовая охрана интересов судебной власти : моногр. М., 2013. 377 с.
17. Ямашева Е. В. К вопросу о восстановлении института административной преюдиции в уголовном праве России // Журнал российского права. 2009. № 10 (154). С. 69–79.
18. Пикуров Н. И. Административная преюдиция в уголовном праве: возможна ли реабилитация? // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы 4-й Междунар. науч.-практ. конф. М., 2002. С. 88–93.
19. Овечкина Е. В. Возвращение к административной преюдиции: «за» и «против» // Закон и право. 2008. № 2. С. 52–53.
20. Бавсун М. И., Бавсун И. Г., Тихон И. А. Административная преюдиция и перспективы ее применения на современном этапе // Административное право и процесс. 2008. № 6. С. 6–9.
21. Иванов Н. Библия и уголовный закон // Советская юстиция. 1992. № 7-8. С. 23–26.
22. Есаков Г. А. К вопросу об общей и уголовной противоправности // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы 6-й Междунар. науч.-практ. конф., 29–30 января 2009 г. / отв. ред. А. И. Рапог. М., 2009. С. 168–172.
23. Пикуров Н. И. Системные свойства предмета уголовного права // Предмет уголовного права и его роль в формировании уголовного законодательства Российской Федерации : науч.-практ. конф., посвящ. памяти А. Н. Красикова (25–26 апр. 2002 г.) / ред. Б. Т. Разгильдиев. Саратов, 2002. С. 20–22.
24. Курс уголовного права : в 5 т. / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 2002. Т. 1. Общая часть. Учение о преступлении. 611 с.
25. Келина С. Г. Современная тенденция в развитии уголовного законодательства и уголовно-правовой теории // Государство и право. 1994. № 6. С. 41–44.
26. Бахрах Д. Н. Административная ответственность граждан в СССР : учеб. пособие. Свердловск, 1989. 201 с.
27. Зуев В. Л. Доказывание по делам о преступлениях с административной преюдицией : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991. 190 с.
28. Тарбагаев А. Н. Административная ответственность в уголовном праве // Правоведение. 1992. № 2. С. 62–68.
29. Lombroso C. Grafologia. Milano, 1895. 245 p.
30. Lombroso C. Pazzi ed anomaly. Città di Castello, 1890. 366 p.
31. Ломброзо Ч. Мое посещение Толстого. Женева, 1902. 13 с.
32. Иншаков С. М. Зарубежная криминология : учеб. пособие для вузов. 2-е изд. М., 2003. 383 с.
33. Ферри Э. Уголовная социология / под ред. проф. Моск. ун-та С. В. Познышева. М., 1908. 591 с.
34. Дворянсков И. В. Исполнение наказаний и иных уголовно-правовых мер без изоляции осужденных от общества в истории России. СПб., 2017. 111 с.

35. Уголовно-исполнительное право России : учеб. для юрид. вузов и фак. / под ред. А. И. Зубкова. М., 1997. 614 с.
36. Дворянсков И. В. Концептуальные проблемы целей наказания // Пенитенциарная наука. 2021. Т. 15, № 2 (54). С. 247–259.
37. Дворянсков И. В. Правовые основы исполнения наказаний, иных уголовно-правовых и уголовно-процессуальных мер, не связанных с изоляцией от общества : моногр. М., 2023. 136 с.

REFERENCES

1. Yunusov A.A., Serkova T.V. Administrative prejudice in Russian criminal law. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava = Russian Journal of Economics and Law*, 2015, no. 1, pp. 278–282. (In Russ.).
2. Kolosova V.I. Administrative prejudice as a means of preventing crimes. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2011, no. 5 (1), pp. 246–253. (In Russ.).
3. Goshayev I.M. Regulation of administrative prejudice in the criminal legislation of Russia: historical and legal analysis. *Yurist-Pravoved = Lawyer-Legal Expert*, 2017, no. 3 (82), pp. 130–135. (In Russ.).
4. Bezverkhov A.G. Administrative prejudice in the criminal legislation of Russia: origins, realities, prospects. *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya: Pravo = Bulletin of the Samara Academy of Humanities. Series: Law*, 2010, no. 2 (10), pp. 39–43. (In Russ.).
5. Shcheglovitov I.G. Civil jurisdiction in criminal cases. In: *Zhurnal grazhdanskogo i ugovornogo prava. Kn. V* [Journal of Civil and Criminal Law. Book 5]. 1892. Pp. 65–117. (In Russ.).
6. Foinitskii I.Ya. *Kurs ugovornogo sudoproizvodstva: v 2 t. T. 2* [Course of criminal proceedings. In 2 volumes]. Saint Petersburg, 1996. 607 p.
7. Vas'kovskii E.V. *Uchebnik grazhdanskogo protsessa* [Textbook of civil procedure]. Ed. by Tomsinov V.A. Moscow, 2003. 441 p.
8. *Prakticheskoe rukovodstvo dlya sudebnykh sledovatelei, sostoyashchikh pri okruznykh sudakh: in 2 ch. Ch. 1* [Practical guide for judicial investigators – district court members: in 2 parts. Part 1]. Comp. by Makalinskii P.V. Petrograd, 1915. 456 p.
9. Raison A.K. On the 27th article of the Statute of Criminal Proceedings. In: *Zhurnal grazhdanskogo i ugovornogo prava. Kn. V* [Journal of Civil and Criminal Law. Book 5]. 1890. Pp. 1–72 (In Russ.).
10. Raison A.K. On the 29th article of the Statute of Criminal Proceedings. In: *Zhurnal grazhdanskogo i ugovornogo prava. Kn. IV* [Journal of Civil and Criminal Law. Book 4]. 1892. Pp. 1–72 (In Russ.).
11. Nemirovskii E. Prejudicial issues in criminal proceedings under Russian law. In: *Zhurnal yuridicheskogo obshchestva. Kn. 3* [Journal of the Law Society. Book 3]. 1897. Pp. 1–72. (In Russ.).
12. Pletneva O.E. *Vzaimnaya obyazannost' sudebnykh reshenii i aktov organov gosudarstvennogo upravleniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Mutual obligation of judicial decisions and acts of public administration bodies: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Sverdlovsk, 1989. 13 p.
13. Tarbagaeva E.B. Truthfulness, prejudice and legal force of a court decision. In: *Problemy dokazyvaniya po ugovornym delam: mezhvuz. sb. nauchn. tr.* [Problems of proof in criminal cases: collection of scientific works]. Krasnoyarsk, 1988. Pp. 52–60. (In Russ.).
14. Iskanderov R. On the prejudicial meaning of the sentence. *Sovetskaya yustitsiya = Soviet Justice*, 1990, no. 22, pp. 22–23. (In Russ.).
15. Korshunov N. M., Mareev Yu. L. *Grazhdanskii protsess* [Civil process]. Moscow, 2010. 928 p.
16. Dvoryanskov I.V. *Ugovorno-pravovaya okhrana interesov sudebnoi vlasti: monogr.* [Criminal and legal protection of the interests of the judiciary: monograph]. Moscow, 2013. 377 p.
17. Yamasheva E.V. On the restoration of the institution of administrative prejudice in the criminal law of Russia. *Rossiiskoe pravo = Russian Law*, 2009, no. 10, pp. 69–79. (In Russ.).
18. Pikurov N.I. Administrative prejudice in criminal law: possible is it rehabilitation? In: *Ugovornoe pravo: strategiya razvitiya v 21 veke: mater. 4-i Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Criminal law: development strategy in the 21st century: proceedings of 4th International scientific and practical conference]. Moscow, 2002. Pp. 88–93. (In Russ.).
19. Ovechkina E.V. Return to administrative prejudice: “for” and “against”. *Zakon i pravo = Law and Legislation*, 2008, no. 2, pp. 52–53. (In Russ.).
20. Bavsun M.I., Bavsun I.G., Tikhon I.A. Administrative prejudice and prospects of its application at the present stage. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Process*, 2008, no. 6, pp. 6–9. (In Russ.).
21. Ivanov N. Bible and criminal law. *Sovetskaya yustitsiya = Soviet Justice*, 1992, no. 7–8, pp. 23–26. (In Russ.).
22. Esakov G.A. On the issue of general and criminal wrongfulness. In: Rarog A.I. (Ed.). *Ugovornoe pravo: strategiya razvitiya v 21 veke: materialy 6-i Mezhdunar. i nauch.-prakt. konf., 29-30 yanvarya 2009 g.* [Criminal law: development strategy in the 21st century: materials of the 6th International scientific and practical conference on January 29–30, 2009]. Moscow, 2009. Pp. 168–172. (In Russ.).
23. Pikurov N.I. System properties of the subject of criminal law. In: Razgil'diev B.T. (Ed.). *Predmet ugovornogo prava i ego rol' v formirovaniy ugovornogo zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii: nauch.-prakt. konf. posvyashchennaya pamyati A.N. Krasikova (25–26 aprelya 2002 g.)* [The subject of criminal law and its role in the formation of criminal legislation of the Russian Federation: scientific and practical conference dedicated to the memory of A.N. Krasikov (April 25–26, 2002)]. Saratov, 2002. Pp. 20–22. (In Russ.).
24. *Kurs ugovornogo prava: v 5 t. T. 1. Obshchaya chast'. Uchenie o prestuplenii* [The course of criminal law: in 5 volumes. Volume 1. General part. Doctrine of crime]. Ed. by Kuznetsova N.F., Tyazhkova I.M. Moscow, 2002. 611 p.
25. Kelina S.G. Modern trend in the development of criminal legislation and criminal law theory. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 1994, no. 6, pp. 42–43. (In Russ.).
26. Bakhrakh D.N. *Administrativnaya otvetstvennost' grazhdan v SSSR: ucheb. posobie* [Administrative liability of citizens in the USSR: textbook]. Sverdlovsk, 1989. 201 p.

27. Zuev V.L. *Dokazyvanie po delam o prestupleniyakh s administrativnoi preyditsiei: dis. ... kand. jurid. nauk* [Proving in cases of crimes with administrative prejudice: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 1991. 190 p.
28. Tarbagaev A.N. Administrative liability in criminal law *Pravovedenie = Law Science*, 1992, no. 2, pp. 62–68. (In Russ.).
29. Lombroso C. *Grafologia*. Milano, 1895. 245 p.
30. Lombroso C. Pazzi ed anomali. *Città di Castello*, 1890. 366 p.
31. Lombroso C. *Moe poseshchenie Tolstogo* [My visit to Tolstoy]. Zheneva, 1902. 13 p.
32. Inshakov S.M. *Zarubezhnaya kriminologiya: ucheb. posobie dlya vuzov* [Foreign criminology: textbook for universities]. Moscow, 2003. 383 p.
33. Ferri E. *Ugolovnaya sotsiologiya* [Criminal sociology]. Ed. by Poznyshhev S.V. Moscow, 1908. 591 p.
34. Dvoryanskov I.V. *Ispolnenie nakazanii i inykh ugovovno-pravovykh mer bez izolyatsii osuzhdennykh ot obshchestva v istorii Rossii* [Execution of punishments and other criminal legal measures without isolation of convicts from society in the history of Russia]. Saint Petersburg, 2017. 111 p.
35. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo Rossii: uchebnyk dlya yuridicheskikh vuzov i fakul'tetov* [Penal law of Russia: textbook for law schools and faculties]. Ed. by Zubkov A.I. Moscow, 1997. 614 p.
36. Dvoryanskov I.V. Conceptual issues of the goals of punishment. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 2 (54), pp. 247–259. (In Russ.).
37. Dvoryanskov I.V. *Pravovye osnovy ispolneniya nakazanii, inykh ugovovno-pravovykh i ugovovno-protsessual'nykh mer, ne svyazannykh s izolyatsiei ot obshchestva: monogr.* [Legal bases of execution of punishments, other criminal-legal and criminal-procedural measures not related to isolation from society: monograph]. Moscow, 2023. 136 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ ДВОРЯНСКОВ – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела разработки методологий исполнения уголовных наказаний без лишения свободы центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, diw@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0542-5254>

IVAN V. DVORYANSKOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Chief Researcher at the Department for the Development of Methodology for the Execution of Criminal Penalties without Deprivation of Liberty of the Center for the Study of the Problems of the Execution of Criminal Penalties and Psychological Support for Professional Activities of Employees of the Penal System of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Russia, Moscow, Russia, professor at the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, diw@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0542-5254>

Статья поступила 13.03.2023